

«ДОМ СВЯЩЕННИКА» НА УЧАСТКЕ АНТИЧНОГО ТЕАТРА В ХЕРСОНЕСЕ

Открыв так называемый «Храм с ковчегом» (раскопки 1897-1902 гг.), К.К. Косцюшко-Валюжинич был лишен возможности изучить весь архитектурный комплекс, в состав которого этот храм входит. Раскопкам препятствовал владелец земли – Херсонесский монастырь. На этом участке находилась монастырская гостиница со сквером перед ней (рис. 1: I).

Исследования здесь возобновились в 1954 г. и продолжались с отдельными перерывами по 1994 г. Работы проводил Херсонесский отряд отдела истории и археологии Крымского филиала АН СССР, позже – совместная экспедиция Отдела античной и средневековой археологии АН УССР под руководством О.И. Домбровского. В работе принимали участие сотрудники отдела и музея¹.

В ходе раскопок выяснилось, что в средневековый период существования Херсонеса этот участок города неоднократно перестраивался (Домбровский 1960: 36-41). В 1954-55 гг. была открыта северо-восточная часть большого средневекового дома, расположенного напротив главного входа в «Храм с ковчегом», почти параллельно его юго-западной стене. Однако исследовать эту постройку полностью тогда не удалось, так как на участке находилось здание старой монастырской гостиницы, в то время жилое. Поскольку главной целью экспедиции была проверка сохранности строений театра, то для того, чтобы открыть барьер его оркестры, восточную стену дома удалили.

Лишь в 1964 г., после сноса обветшалых монастырских строений и расширения раскопа к юго-западу от храма, удалось полностью раскрыть уцелевшую часть дома и несколько других жилых строений, примыкавших к остаткам стены – амфилеме – некогда ограждавшей античный театр Херсонеса (рис. 1: II, III). По-видимому, в период средневековья древняя ограда использовалась в качестве подпорной стены, делившей участок на две террасы. Она ограничивала с юго-западной стороны нижнюю террасу, на которой был расположен храм и окружавшая его плотная жилая застройка².

Исследованный дом прямоугольный в плане, состоит из двух помещений, вытянутых в ряд по линии северо-запад – юго-восток и треугольного в плане

дворика. При раскопках внутри помещений были найдены различные предметы религиозного культа (детальная характеристика приводится ниже), что и послужило основанием интерпретировать здание как «дом священника».

В 1970-71 гг. были открыты сооружения, примыкавшие к публикуемому дому с юго-запада и имевшие с ним общую стену. Вероятно, при их обустройстве проем, существовавший некогда в юго-западной стене «дома священника», был заложен. Строение состояло из трех помещений («Н», «Т» и «Р»), втиснутых между «домом священника», амфилемой и небольшой часовней (рис. 1: III). Ограниченность пространства обусловила различную конфигурацию помещений. Одно из них («Т») в плане близкое к прямоугольнику (внутренние размеры – 4,0×3,28 м). Его юго-восточная стена, выходящая на продольную улицу возле часовни, по-видимому, формировала лицевой фасад здания. Здесь же был устроен дверной проем шириной 1,0 м. Стены пристройки шириной 0,6-0,65 м сохранились на высоту 0,5-0,6 м от уровня пола, представлявшего собой хорошо утрамбованную поверхность, на которой располагался слой битой черепицы, перекрытый завалом камней.

Между дверным проемом и южным углом помещения была найдена разбитая на части черепица – керамида с круглым отверстием для дымовой трубы (рис. 4: б). В двух метрах от последней найдены фрагменты черепицы с меткой в виде маленькой перевернутой «каппы» и процарапанными по сырой глине граффити: три вписанные друг в друга прямоугольника, перечеркнутые проходящими через их центр параллельными линиями (рис. 4: 5). Подобные граффити имеются и на других фрагментах черепиц (рис. 4: 7). Известны они и из раскопок Херсонеса (Якобсон 1950: 121, рис. 85). Схожие изображения встречаются не только на черепицах, но и на плитах пола, амфорах, поливных сосудах, на камнях в постройках XI–XIII вв. (Щербак 1959: таб. 24; Кравченко 1986: 105, рис. 40: 5). Часть исследователей полагает, что они имитируют поле для «игры в мельницу», которая с IX в. была широко распространена в странах средневековой Европы (Полякова, Фехнер 1973: 442-443). Правомернее видеть в этих изображениях магические знаки (Аладжов 1980: 46, рис. 4: д). Геометрические фигуры в виде вписанных друг в друга квадратов, ромбов, кругов, члененные и прямыми косыми крестами или параллельными линиями встречаются в культовой символике в различных культурах и известны с глубокой

¹ Подробно см. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа (Зубарь 2009: 82-85; 180-189).

² Средневековые жилые постройки, лепившиеся к этой стене, были притиснуты одна к другой, имели общие стены и различить отдельные домовладения можно только исходя из расположения дверных проемов.

древности. В частности, среди граффити чернолаковой и краснолаковой керамики имеются близкие знаки (Шевченко 2005: 115, рис. 2).

Из других находок в помещении «Т» следует отметить два круглых железных дверных замка, один нож и керамическое пряслице.

Вероятно, оба исследованных в 1964 и 1970-71 гг. комплекса некоторое время существовали одновременно, однако, несмотря на общую стену, представляли собой два отдельных домовладения, по крайней мере, на завершающем этапе своего функционирования. Один дом (два помещения «М», «С» и небольшой дворик) имел выход на улицу перед «Храмом с ковчегом», второй (помещения «Н», «Т» и «Р») был обращен выходом на площадь перед небольшой часовней³.

Первый из них («дом священника») от «Храма с ковчегом» отделял узкий проулок. Из проулка можно было попасть в северное помещение дома. У западного угла помещения располагался еще один дверной проем, выведивший в небольшой, возможно, крытый дворик треугольной формы с запада ограниченный амфилоем. Западный вход из помещения «С» был заложен при строительстве примыкающего дома (помещение «Т»).

Дворик, вымощенный каменными плитами, имел выходы с северо-восточной стороны на площадку перед храмом и на верхнюю террасу через проход, устроенный в амфиломе. В северной части дворика, непосредственно около стены, находился очаг, оставивший красно-бурый след огня на стене, обожженные камни, уголь и золу. Среди камней очага найдены фрагменты большого кухонного горшка, раздавленного завалом. Как говорилось выше, дом состоял из двух помещений – северного («М») и южного («С») (Внутренние размеры помещения М – 6,7×3,0 м; помещения С – 3,5×4,3 м). Северное помещение в плане прямоугольной формы, вытянуто по линии юго-восток – северо-запад. Стены его, сложенные на глиняно-грязевом растворе, сохранили высоту 0,7-0,8 м. Особенность второго смежного помещения состоит в том, что на завершающем этапе функционирования все его четыре стены были лишены дверных проемов, о чем можно судить по кладкам, сохранившимся на высоту до 1,5 м. Очевидно, в него попадали по лестнице сверху из помещения М. Пол земляной утрамбованный.

Дом погиб от пожара, о чем свидетельствуют обрушившиеся на пол обугленные деревянные балки, мощный слой пепла, углей и битой обгоревшей черепицы вокруг здания, местами достигающий мощности более 0,5 м. Под завалом камней и черепицы найдены *in situ* вещи, позволившие говорить о внезапности катастрофы.

Слой пожара в помещении «М» был особенно мощным. Расположение обуглившихся балок и досок позволяют реконструировать интерьер жилища. Пол был, несомненно, деревянным. Раскопками выявлено, что всю его площадь покрывал слой горелого дерева с короткими гвоздями, расположение которых отличалось регулярностью. Большие и не полностью сгоревшие куски дерева сохранили конструктивные узлы,

принадлежавшие лестнице, столу, скамье. Они располагались, как и все прочие находки, поверх слоя сгоревшего пола и легко от него отделялись. Все это было перекрыто мощным завалом горелой и распавшейся на мелкие куски черепицы, смешанной с обуглившимися кусками дерева от сгоревшего перекрытия. Гвозди, которые встречались и в этом слое – крупнее, чем найденные на полу, в их расположении нельзя усмотреть какого либо порядка.

Внутри помещения вдоль юго-западной стены располагалась деревянная лестница, сооруженная из массивных брусев и толстых досок. Она вела на второй этаж. Напротив лестницы у северо-восточной стены помещения стояли деревянные скамья и стол. На перилах лестницы была развешена рыболовная сеть, о чем свидетельствуют находки 40 целых и 20 фрагментов глиняных рыболовных грузил, расположенных вдоль брусев перил. Какие-то, почти совсем сгоревшие деревянные предметы, находились возле той же стены справа от входа – тут могла быть еще одна скамья или полка. В северном углу того же помещения найдены жернова ручной мельницы (один целый и половина второго), а так же крупный трехручный плоскодонный сосуд, разбитый на мелкие куски, и два сильно обгоревших небольших столовых кувшинчика. Другая керамика в значительной степени фрагментированная, найдена в разных местах между лестницей и северо-западной стеной. Все вещи, кроме большого сосуда, были разбросаны. Перед пожаром они могли находиться на столе, на полках, висеть на стропилах или балках перекрытия. В этом же помещении в верхних слоях завала найдены предметы церковной утвари – бронзовая каца, энколпион, фрагменты хороса (рис. 3).

Во втором помещении на полу под завалом найдены *in situ* два пифоса, в одном из которых сохранились остатки рыбы. Один сосуд удалось реставрировать (23/36503) (рис. 2: 1). Он имел высоту 82,0 см, ширину – 58,0 см, диаметр венчика (внешний) – 22,0 см и (внутренний) 16,0 см, диаметр дна – 7,0 см. Черепок светло-красный, поверхность сглаженная. По верхней части пифоса проходят три концентрические полосы двухрядной волны. Венчик украшен круглыми вдавливаниями. На горле под венчиком по сырой глине прочерчен знак . Схожий знак, но с более длинной поперечной чертой встречен на венчике пифоса X в. из Красноселья (Якобсон 1979: 78, рис. 47: 3) и на пифосе XIII века из Херсонеса (Якобсон 1979: 115, рис. 71: 1). Последний выполнен волнистой линией.

Среди мелких обломков черепицы и углей, а так же в камнях и строительном мусоре, заполнявших помещение, найдены разбитые поливные сосуды. В одной тарелки сохранились остатки трапезы – рыбы кости, скорлупа яиц. Все эти находки в свое время находились, надо полагать, в горнице, а нижнее помещение с пифосами служило кладовой.

При раскопках обнаружено значительное количество изделий из металла. Так в помещении «М» найдены три железных замка (два круглых и один труб-

³ Раскопана также в 1972 г.

чатый цилиндрический), две зубатки, сверло, фрагменты трех ножей, большое количество, около ста, железных гвоздей (коротких и длинных), несколько железных крючков.

В помещении «С» обнаружены шесть гвоздей и один железный нож⁴.

Металлические предметы религиозного культа представлены энколпионом, внутри которого находился фрагмент кости, позеленевшей от окисла, бронзовой лжицей-кацей, фрагментами ажурных литых цепей хороса (рис. 3).

Энколпион – крест-реликварий (шифр 26/36505) представляет собой бронзовый литой двустворчатый крест с прямыми, слегка расширяющимися концами, высотой 8,5 см, шириной – 5,5 см. Верхняя петля лицевой стороны, основание которой оформлено в виде трилистника, обломана. Возле края нижнего конца в центре имеется сквозное круглое отверстие диаметром 0,4 см, очевидно, для крепления.

На лицевой стороне в глубоком рельефе выполнено изображение распятого на кресте Христа в колобии с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом в рост. Голова Иисуса слегка наклонена вправо. Под правой рукой Христа криптограмма: OVCO – [ΔΕ] OVCO (V) – «се сын Твой» (Покровский 1892: 356).

Очевидно, под левой рукой не пропечаталось продолжение цитаты из Евангелия от Иоанна (Кн. 19, 26) – «се есть мать твоя».

На оборотной створке энколпиона в центре – Богородица-Оранта в рост, а на концах ветвей креста погрудные изображения евангелистов в круглых медальонах. Подобные кресты-складни с традиционным изображением распятия и предстоящими Богородицею-Орантой с евангелистами неоднократно встречались в Херсонесе (Чичуров 1991: № 173, 175; Залеская, Яшаева, Рабинович 2011: № 86-191). Известны они по находкам в Черкасской и Черниговской областях Украины (Корзухина, Пескова 2003: 46, табл. 2: 1. 1/8, 1. 1/8), в Болгарии (Дончева-Петкова 1992: 60-61, табл. II; Дончева-Петкова 2006: 128-130; Pitarakis 2006: 195-221). Аналогичные кресты происходят из коллекции Б.Н. Ханенко, приобретенной им в 1914 году в Дамаске (Пескова, Строкова 2012: 129-132, № 36-46).

Происхождение данного иконографического типа связывают с мастерскими сиро-палестинского региона и датируют X–XI вв. (Залеская 1964: 168; Залеская 1988: 93-104). Болгарские исследователи относят их изготовление к более раннему времени: Л. Дончева-Петкова датирует их IX–XI вв.; Б. Питаракис – X–XI вв.

Н.П. Кондаков считал более ранними гравированные энколпионы, а кресты с рельефными изображениями относил к XII–XIII ст. и отмечал их повсеместное распространение: Сирия, Греция, Египет, Карфаген, Сицилия, Кавказ, Крым (Кондаков 1914: 258-259).

Кацея (инв. № 27/36505) – бронзовая, литая, в виде невысокой конической чашки на кольцевом поддоне с

горизонтально отогнутым краем и фигурной ручкой, состоящей из плоского щитка и длинного стержня (утрачен). Размеры: диаметр – 8,7 см, высота – 2,3 см, длина – 15,2 см. На внутренней поверхности чашки выгравированы семь концентрических окружностей. Пять – на внутренней стороне чашки, две – по горизонтальному борту. Края щитка и чашки декорированы косыми насечками имитирующими жгут. У основания щитка – круглое отверстие для крепления крышки (утрачена). На щитке – рельефное изображение Христа Пантократора в крещатом нимбе. Правая рука в благословляющем жесте, левая держит Евангелие. По сторонам нимба гравированные буквы IC/XC – «Иисус Христос».

Близкие по форме и размерам, но различные по декору фигурных ручек кацеи широко известны по археологическим находкам в Украине, Греции, на Балканах: Болгария, Сербия (Ханенко 1907; Альбом достопримечательностей ... 1915: 23, табл. III: 2, 3). Прямой аналогией нашей находке является кацея с изображением Деисуса, найденная М.К. Каргером при раскопках городища в Шепетовском районе Хмельницкой области в 1960-61 гг. (Каргер 1960: Л. 6, рис. 6; 1961: Л. 9, рис. 18; Миролубов 1983: 53, № 243). Датируются подобные кадильницы достаточно широко – в рамках XI–XII – XV в. Наш экземпляр неоднократно публиковался в различных каталогах музеев и выставок. А.В. Банк датировала его XII в. (Банк, Попова 1977: 94, № 570; Банк, Залеская 1995: 80-87).

Самыми многочисленными находками из раскопок дома являются керамические изделия. Из них более 75 % составляет черепица. Мощный слой битой и сильно обгоревшей черепицы от рухнувшей кровли располагался непосредственно под завалом камней. Особенно большая концентрация обломков отмечена в помещении «М» и «Т». Несколько черепиц удалось полностью или частично реконструировать. Подавляющее большинство фрагментов принадлежало керамидам. Калиптеров встречено очень мало, вероятно, они использовались только на покрытие коньков.

По визуальным признакам керамиды можно разделить на две группы.

I группа (рис. 4). Керамиды прямоугольной формы с резким сужением в нижней части, реже без него. Боковые бортики сравнительно высокие – 2,5-3,5 см, в сечении треугольные, прямоугольные или трапецевидные со скошенным срезом в сторону поля черепицы. Верхний бортик невысокий – 1,5-2,0 см. Дугообразные водосливные валики занимают 2/3 длины черепицы. Встречаются экземпляры без водосливных дуг. Черепок красный, плотный, с примесями мелкоотделенного шамота и крупинок извести, с порами, возможно, от сгоревших органических добавок⁵. Поверхность черепиц с двух сторон покрыта светлым ангобом. Размер керамид: 31,0×35,0 см; 34,5×38,5 см; 30,5×40 см; 39,5×44,0 см.

II группа (рис. 5). Керамиды прямоугольной формы с плоско срезанным или скругленным к тыльной

⁴ Археологический материал из раскопок 1954 года поступил в фонды Херсонесского музея под № 36505, а коллекции находок 1964, 1970-71 – под №№ 36803, 36881.

⁵ Подобные характеристики сырья присущи и калиптерам из этого же комплекса.

стороне верхним краем. Встречаются экземпляры с сужением в нижней части и без него. Последних значительно меньше. Они служили для укладки нижнего ряда кровли. Водосливные валики в большинстве случаев занимают половину (или чуть больше) длины поля черепицы. Черепок желто-красный, в тесте значительное количество шамота и дресвы. Размеры этих керамид: 33,0×42,5 см; 31,0×39,0 см.

На черепицах обеих групп встречаются разнообразные метки.

На черепицах **I группы** метки выполнены в довольно низком рельефе, нанесены узкой линией, представляют собой отдельные буквы, сочетания букв, надписи, знаки, изображения животных, птиц, всадников.

Метки в виде букв *бета*, *эта*, *каппа*, *пи*, *ро*, *фи* (рис. 6: № 1-20) неоднократно встречались на раскопках Херсонеса.

Метка *бета* и *бета с отростком* (№ 1, 2) соответствуют № 125 (Якобсон 1979: рис. 97), метка *эта* (№ 3, 4), найденная в четырех экземплярах, известна на раскопках Херсонеса и Эски-Кермена (Якобсон 1979: рис. 97, 98). Наиболее широко представлена метка в виде буквы *каппа* (№ 5-15) разного размера и начертания, иногда в опрокинутом или даже перевернутом виде. На кровле дома черепиц с этой буквой было 40 экземпляров, среди которых можно выделить 11 различных матриц. Возможно, *каппа* обозначает название самой керамиды. В переводе с греческого *κέραμος* – черепица, *κεραμοτός* – черепичная кровля.

Метка *пи* (№ 16) найдена в четырех экземплярах, все происходят из одной матрицы (Якобсон 1979: рис. 97: № 103).

Метка *ро* (№ 17) найдена в одном экземпляре. Метка *пси* (№ 18-20) представлена тремя различными начертаниями, причем № 18 найден в семи экземплярах.

Метки, представляющие собой сочетания букв – монограммы – № 21, 22, 23, *йота+эпсилон* найдены в четырех экземплярах. Они аналогичны найденным ранее в Херсонесе (Якобсон 1979: рис. 97: № 222; Симонова 1980: № 36), монограмма *каппа+омикрон* представлена пятью экземплярами, соответствует метке № 227 (Якобсон 1979: рис. 97).

Метка в виде *каппа+сигма* соответствует эски-керменской метке № 44 (Якобсон 1979: рис. 98), наша метка и эски-керменская является частью более сложной метки № 247 из Херсонеса (Якобсон 1979: рис. 97).

Метка, представляющая собой надпись, найдена в одном экземпляре (рис. 6: № 24). Другой оттиск ее с той же матрицы издан А.Л. Якобсоном № 245 (Якобсон 1950: табл. 14: № 245). Черепица с подобной меткой была найдена при раскопках средневекового поселения в Ласпи и Эски-Кермена, последняя сохранилась фрагментарно (Якобсон 1979: рис. 98: № 55; Паршина 1974: 82, рис. 20: № 34).

Метки в виде знаков представлены изображениями трех разновидностей (рис. 6: № 25, 26, 27).

Метка в виде пентаграммы в различных начертаниях (№ 25), найдена в четырех экземплярах. Пента-

грамма, как самостоятельная метка и в добавление к изобразительной метке в виде всадника, неоднократно встречалась при раскопках Херсонеса, Эски-Кермена, Мангупа (Якобсон 1979: рис. 97: № 307-310; 98: № 60-63; 99: № 16-18).

Метка в виде знака сложной конфигурации (№ 26) найдена в трех экземплярах, соответствует метке № 294 (Якобсон 1979: рис. 97).

Фрагментированной метке в виде «бабочки» или двойной секиры (№ 27) аналогий найти не удалось.

Больше всего на черепице I группы и кровле исследуемого дома в целом оказалось меток с изображениями животных, птиц, всадников. Все они также выполнены тонкой линией в низком рельефе, иногда очень схематичные, но не лишены выразительности (рис. 7: № 43-56).

Метка № 43 (15 экземпляров) в виде лошади и непонятного предмета, очерченного рельефной линией. Лошадь расположена головой к верхнему краю черепицы. Названный предмет – в ее нижнем углу. Одна черепица реставрирована (рис. 4: 1). Все метки являются оттиском одной матрицы. Подобное клеймо опубликовано В.И. Кадеевым – лошадь без знака, и А.Л. Якобсоном – знак без лошади (Кадеев 1973: рис. 2; Якобсон 1979: рис. 97).

Метка № 44 (свыше 30 экземпляров) в виде всадника с копьем, обращенного влево. Детали совпадают не на всех оттисках. Возможно, использовались две матрицы или же, когда матрица стерлась, ее подправили, изменив при этом некоторые детали. По А.Л. Якобсону это метка № 25 (1979: рис. 96).

Метка № 45 (7 экземпляров) с изображением всадника и птицы. Всадник расположен в верхнем левом углу черепицы, птица под ним, почти по центру. Аналогичное клеймо, отличающееся мелкими деталями, приведено у А.Л. Якобсона (1979: рис. 96: № 40).

Метка № 47 (не менее 5 керамид) с изображением трех всадников. Аналогии изданы А.Л. Якобсоном, однако из-за фрагментарности черепицы интерпретированы как две самостоятельные метки (Якобсон 1979: рис. 96: № 35, 36).

Метка № 48 (6 экземпляров) в виде четвероногого животного с прорисованной прямыми линиями гривой и длинным хвостом (лошадь?), изображенного очень схематично, и знака под ним. Такая метка неоднократно встречалась при раскопках Херсонеса и Эски-Кермена (Якобсон 1979: рис. 96: № 39; 98: № 85).

Метка № 49 (3 экземпляра) в виде человеческой фигуры с псиной головой, с мечем в правой поднятой руке и щитом в левой руке. Подобная метка неоднократно встречалась на херсонесской черепице и имеет различную трактовку: шаман, скomorox, человек со сферой. Если сравнить ее с изображением кинокефала-псogлавца на поливной керамике из Херсонеса (Залесская, Крамаровский 1990: 8, рис. 4), то можно найти много общего: поза, звериное обличье, короткое одеяние (рубашка, кольчуга) (рис. 9). На чашке не сохранился головной убор, но на других поливных тарелках воины часто

изображались в конусовидных шлемах (Papanikola-Bakirtzi 1999: 179, № 206; 49, № 34). Приведенные аналогии свидетельствуют в пользу того, что данная метка изображает кинокефала-псоглавца, ставшего прообразом святого воина-Христофора (рис. 8).

Метки № 50, 51 (найлены в одном экземпляре) с изображением четвероногого животного, вероятно, собаки. Схожие метки изданы А.Л. Якобсоном (1979: рис. 96: № 41, 43), но матрицы, очевидно, разные.

Метка № 52 (один экземпляр) в виде птицы. Аналогии не найдены.

Метка № 53 с изображением птицы и знака, найдена в одном экземпляре и очень фрагментирована (сохранилась ее нижняя часть). Похожая метка издана А.Л. Якобсоном под № 51 (Якобсон 1979: рис. 96).

Метка № 54 содержит фрагмент изображения птицы. Подобное, так же фрагментированное изображение, происходит из портового района Херсонеса (Симонова 1980: рис. 2: 46).

Метки № 55, 56 в виде животных. Аналогий не найдены.

Метка № 57 обнаружена в трех фрагментах. Является частью сложной метки с изображением животного, вероятно лошади, и букв (Якобсон 1979: рис. 96: № 44).

Следует также отметить находки пяти фрагментов керамид со сложными метками в виде монограмм, отдельных букв и знаков (рис. 9: № 3-7). А.Л. Якобсоном опубликованы две целые керамиды с аналогичными знаками (1979: рис. 97: № 249, 250). Изображения на черепице из кровли «дома священника» отличаются в деталях. Очевидно, использовалось несколько однотипных матриц (рис. 9).

Остальные метки очень фрагментарны, характер изображения не ясен.

На калиптерах I группы метки гораздо менее разнообразны и не выразительны, представлены, в основном, немногочисленными знаками в виде крутых дуг с усиками.

В целом, метки, встречающиеся на черепице I группы из раскопок «дома священника» вполне характерны для керамических кровельных материалов из верхних слоев других районов Херсонеса и датируются исследователями XIII–XIV вв.

Метки на черепицах **II группы** выполнены более широкой линией и имеют более высокий рельеф (рис. 6: № 28-42)⁶. Среди них метки в виде отдельных литер (рис. 7: № 28-35), монограмм (рис. 6: № 36-40), креста (рис. 6: № 13) и различных знаков (рис. 6: № 41-42).

Метка в виде буквы *гамма* (№ 28) найдена в одном экземпляре. Схожие метки встречались на черепицах Херсонеса, Мангупа, Эски-Кермена, где датируются IX–X вв. (Якобсон 1979: рис. 58: № 146, 117; 63: № 10, 13; 61: № 4), а также в Симеизе, с материалом VIII–X вв. (Паршина 1974: 85-86, рис. 27: № 2, 3).

Метки в виде *дельты* (№ 29, 30) найдены по одному экземпляру. Близкие метки встречены при раскоп-

ках Мангупа (Якобсон 1979: рис. 63: № 16, 17), Биюк-Исара (Паршина 1974: рис. 22: № 6).

Метка в виде *капты* (№ 31) найдена в одном экземпляре, однако она имеет множество аналогий как в Херсонесе, так и на памятниках Южного берега Крыма, среди материалов IX–X вв. (Якобсон 1979: 97, рис. 58: № 70, 71; 59: № 72-82; 64: № 8-11, 41-44; 65: № 86-92).

Метка в виде буквы *эта* (рис. 6: № 32, 33) представлена в двух вариантах. Эта метка, подобно *капте*, также очень многочисленна в коллекциях Херсонеса. Так при раскопках в портовой части городища в комплексе XIII–XIV вв. она найдена в количестве 46 экземпляров и насчитывает не менее 7 матриц (Симонова 1980: 108, рис. 1: 23-25; 2: 12-17). В раскопе квартала около пятнадцатой поперечной улицы подобная метка представлена в двух вариантах (Кадеев 1973: 25). Из ранних раскопок она фигурирует в шести вариантах на черепицах, датируемых А.Л. Якобсоном IX–X вв. (Якобсон 1979: 97, рис. 58: № 129-135).

Метки *фи* и *пи* (№34, 35) найдены в одном экземпляре. Первая соответствует херсонесской метке IX–X вв. (Якобсон 1979: рис. 58: № 95). Вторая, возможно, является более сложной меткой (Якобсон 1979: рис. 97: № 215). Схожие метки встречались при раскопках южнобережных поселений: Бекетово, Артековского, у мыса Троицы, в Симеизе (Паршина 1974: 90, 86, рис. 34: 4, 5; 33: 3; 25: 7; 27: 5).

Метка *сигма+эта* (№ 36) представлена в четырех экземплярах, аналогий найти не удалось.

Метка в виде монограммы имени «Михаил» (№ 37) при раскопках в Херсонесе встречалась ранее (Якобсон 1979: рис. 59: № 213).

Метка № 38 имеет аналогии в Херсонесе (Якобсон 1979: рис. 59: № 20), в Симеизе и на поселениях близ с. Оползневое, где она представлена двумя вариантами (Паршина 1974: 84, 86, рис. 23: 9, 10; 27: 21). В.А. Сидоренко трактует эти метки как название города «Полис Херсонес», и считает, что клейменная таким образом черепица является продукцией мастерской, подчиненной муниципальному управлению города в 40-70 гг. IX в.

Метка № 39 найдена в одном экземпляре, аналогии автору не известны.

Метка *эpsilon+фи* (№ 40) найдена в одном экземпляре, аналогична херсонесской метке на черепице IX–X вв. (Якобсон 1979: рис. 59: № 214).

Метка в виде *креста* (рис. 6: 13) по пропорциям аналогична херсонесской метке № 280 по А.Л. Якобсону (1979: рис. 59). Хотя в целом подобные знаки были распространены довольно широко (Якобсон 1979: рис. 64; 65).

Метки в виде знаков – *стрелки* и *пентаграммы* (№ 41, 42), найдены в одном экземпляре. Они также неоднократно встречались в Херсонесе (Якобсон 1979: рис. 59: № 282; 97: № 307; 98: № 60; Симонова 1980: рис. 2: 52, 53), Эски-Кермене (Паршина 1988: рис. 3: № 134-136, № 126) и на южнобережных памятниках.

При подсчете меток на черепицах обеих групп и подсчете самих керамид (во внимание принимались

⁶ Высота рельефа иногда даже на одной метке может быть различна, что объясняется неоднократным использованием одной и той же матрицы.

верхние и нижние углы), соотношение оказалось приблизительно равным: углов I группы в 12 раз больше, чем углов II группы; меток на черепице I группы в 14 раз больше, чем на группе II. Несомненно, на кровле дома черепица I группы более чем в 10 раз преобладает над черепицей II группы.

Что касается вопроса о назначении черепичных меток, то если учитывать специфику самого процесса производства черепицы, можно прийти к выводу, что необходимость в клеймении черепицы могла диктоваться особенностями технологии ее производства. Судя по этнографическим данным, процесс изготовления черепицы был достаточно сложным и продолжительным (Зарецкий 1894: 72-87). Только подготовка сырья иногда могла длиться два или три года и предполагала закладку глины в яму, неоднократное замачивание, высушивание, вымораживание. Затем происходила формовка и просушка в деревянной матрице, извлечение из формы с последующей просушкой на открытой площадке. После этого сложенные штабелями заготовки сушились под навесом две-три недели. После чего изделия обжигались двое-трое суток и остывали в закрытом горне до 10-14 дней. Без соблюдения этих правил гончар получал много брака.

Таким образом, для того, чтобы не нарушать непрерывный процесс производства, каждый мастер должен был иметь несколько матриц, а чтобы соблюдать очередность загрузки в печь полуфабрикатов ему необходима была маркировка изделий. Если обратить внимание на производство других видов строительной керамики (плинфа, кирпичи), то можно провести определенные параллели. В качестве примера можно привести вдавленные клейма на кирпичах из раскопок в Велико Тырново. По мнению исследователей, эти клейма в виде букв А, В, Г, Д и крестов имеют цифровое значение (Квинто 1978: 44, 55).

В пользу предположения о том, что черепичные метки могли обозначать номер партии изделий, говорит и тот факт, что ранневизантийскую плинфу VI-VII вв. из раскопок в портовом районе Херсонеса метили штампами, содержащими имена и обозначение индикта (Романчук 1973: 49, рис. 2). Черепичная метка, безусловно, являлась меткой гончара. Но вряд ли будет правомочно рассматривать каждую метку как «фабричную», т.е. метку мастерской, артели и т.п. Гончар мог иметь несколько матриц (что требовал сам процесс производства) с различными или схожими метками. Так встречаются керамики с одной и той же меткой, но, судя по отдельным дефектам и незначительным деталям, оттиснутые разными матрицами. На некоторых черепицах Херсонеса и Эски-Кермена можно выделить числовую последовательность.

Помимо свободных ремесленников, использовавших для своих матриц метки в виде букв, условных знаков, которые часто рассматривались как обереги, в Херсонесе в IX веке существовала крупная муниципальная мастерская.

Ее продукция метилась аббревиатурой *пи-хи-омикрон*, которая имеет несколько вариантов начертания (Сидоренко 1989: 97-98, рис. 2). В данном случае полисную метку действительно следует рассматривать как марку мастерской, а ее варианты, одновременно задействованные в производстве – как номера партий.

Сосуществование на одной кровле черепиц разных хронологических групп можно объяснить только вторичным использованием более ранних экземпляров. Следует отметить, что черепица II группы не только по размерам и меткам, но и прочностью отличается от черепиц XII-XIII ст.

Из других находок в помещении «М» следует отметить большой плоскодонный сосуд, украшенный валиками и зашипами, с тремя широкими плоскими ручками, прикрепленными к корпусу горизонтально. Подобные сосуды часто встречаются при раскопках верхних слоев Херсонеса, относятся к классу 51 по ХК 1995⁷ и датируются преимущественно XIII или XIII-XIV вв. (Романчук, Сазанов, Седикорва 1995: 82-83).

Здесь же была найдена амфора с отбитым горлом и ручками, наполненная гвоздями. Глина сосуда красновато-оранжевая, корпус вытянутый, грушевидный, оформлен частыми поперечными бороздками. Амфора относится к типу III по Н. Гюнсенин (Günsenin 1989: 271-274), классу 48 по ХК 1995 (Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 78-81) и датируются XII-XIII вв. Подобные сосуды довольно стандартны для синхронных комплексов Херсонеса и часто встречаются на других крымских памятниках. Они также имели широкое распространение в Северо-Западном Причерноморье и на территории Древней Руси (см. напр.: Коваль 2010: 159).

Значительный интерес представляет также кухонная и столовая керамика из раскопок дома. Основная масса находок, которые удалось частично или полностью реконструировать, происходит из помещения «С».

Как отмечалось выше, керамика в помещении «М» слабо поддавалась реставрации, так как фрагменты были очень мелкие и сильно обгорели. Кроме уже упомянутых трехручного сосуда, амфоры и двух кувшинчиков, удалось частично реставрировать только одну поливную тарелку (рис. 10: 5). Тарелка светлоглиняная, на кольцевом поддоне, с узким горизонтальным бортом, украшенная росписью бурой и зеленой красками под бледно-желтой глазурью. Высота – 10,0 см, диаметр – 28,0 см, диаметр поддона – 9,5 см. Черепок светло-розовый, пористый. Борт по краям, а также корпус с внешней стороны на середине высоты обрамляют четыре врезные линии. Роспись украшает лицевую поверхность изделия, нанесенная кистью. По центру поля помещено изображение четвероногого животного, возможно, лошади или собаки. Частично сохранилась прорисовка головы и верхней части туловища, заполненного «чешуйками», волнистыми и пересекающимися линиями, имитирующими, вероятно, шерсть животного. Борт украшен волнистыми

⁷ Херсонесская классификация амфор, предложенная А.И. Романчук, А.В. Сазановым и Л.В. Седиковой в 1995 г.

и дугообразными линиями, выполненными довольно небрежно. Тарелка, безусловно, принадлежит к группе византийской керамики, получившей название «Glazed White Ware IV» (Hayes 1992: 30-33), чье происхождение из столицы Византийской империи доказано как полевыми, так и лабораторными исследованиями (Waksman, Teslenko, Zelenko 2009: 852). Хронологические рамки группы преимущественно ограничивают второй половиной XII–XIII вв., однако на территории Крыма она особенно многочисленна в жилищно-хозяйственных комплексах последней четверти XIII в. (см. напр.: Голофаст, Рыжов 2003: 210-212). Большая партия этой посуды была найдена также при исследовании кораблекрушения последней трети XIII в. в Новосветовской бухте близ Судака (Зеленко 2008: 139; Waksman, Teslenko, Zelenko 2009), что свидетельствует о массовом импорте расписных белоглиняных сосудов на полуостров в указанный период.

Значительно меньше пострадали при пожаре и разрушении сосуды из помещения «С». Здесь обнаружены многочисленные фрагменты керамических изделий столового и кухонного назначения, часть которых была восстановлена. Среди них два кумана с длинным, почти вертикально поставленным носиком, прикрепленным близ горла. Один из них украшен тремя рядами тройных врезных волн, между верхним и средним из которых помещен ряд продолговатых вдавлений, выполненных острием. Второй сосуд украшен горизонтальными валиками с насечками и замкнутыми по обводу линиями, выполненными гребенкой. Уплощенная ручка дополнительно оформлена тремя рядами небольших углублений. Аналогичные куманы хорошо известны среди материалов Херсонеса и датируются XII–XIV вв. (Якобсон 1950: рис. 71, 72; 1979: 117, рис. 72: 8; Ивашута 1975: 15-16, рис. 2; Голофаст, Рыжов 2003: 196-197).

Поливная керамика здесь более разнообразна. Это красноглиняные изделия, как без дополнительного декора, так и с гравированным орнаментом (рис. 10; 11).

Среди первых интересна поливная чаша на кольцевом поддоне с высокими стенками, расходящимися плавно кверху и заканчивающимися волнообразным краем (рис. 10: 3). Высота – 8,0 см, диаметр – 20,0 см, диаметр поддона – 6,0 см. Черепок светло-красный, плотный с очень мелкими и редкими белыми включениями. Чаша с внутренней и частично с внешней стороны покрыта темно-желтой поливой по белому ангобу. На дне по центру снизу нанесено граффити в виде монограммы. Тарелка реставрировалась в древности, о чем свидетельствуют просверленные по обожженной глине отверстия (диаметр до 0,25 см), расположенные парами вдоль линии разлома.

Из красноглиняной поливной керамики с гравированным орнаментом оригинальным рисунком выделяется тарелка на кольцевом поддоне с округлым венчиком, также реставрированная в древности (рис. 10: 2; 11: 1). Высота – 6,5 см, наибольший диаметр – 22,0 см, диаметр поддона – 7,5 см. Черепок светло-красный, пористый с мелкими темными и светлыми включениями. Ангоб белый, полива светло-желтая, прозрачная. Рисунок выпол-

нен тонким резцом. Под венчиком нанесены две концентрические линии. В центре помещено изображение льва на четырех согнутых лапах с поднятым и закрученным хвостом, завершающимся стилизованной кисточкой. Контур изображения подчеркнуты двойными линиями и подсвечены желто-коричневой краской.

Тарелка принадлежит к керамике группы Зевксиппа (Zeuxippos Ware), классу II по А.Х.С. Мегаву (Megaw 1968: 69-70). Пик распространения этой керамики, по мнению исследователя, приходится на последние десятилетия XII – первую половину XIII вв. (Megaw 1989: 264). В Херсонесе значительное количество находок приходится на комплексы второй половины XIII в. (см. напр. Голофаст, Рыжов 2003: 203-204). Существуют различные мнения по поводу локализации центров ее производства, однако ни одно из них, пока, не получило достаточно веских подтверждений. Археометрические исследования керамики этого класса из Херсонеса, проведенные др. С.И. Ваксман, показали значительную гомогенность химического состава ее сырья, что свидетельствует об одном источнике происхождения, который, однако, не имел никакого отношения к Херсонесу (Waksman 2007: 390-391). Керамика группы Зевксиппа класса II была довольно широко распространена в Восточном Средиземноморье, включая Эгейский регион, Кипр, прибрежные районы Ближнего Востока; большая концентрация находок отмечена в Константинополе (см. напр.: Megaw 1968: 75-76; 1989; Waksman, François 2004-2005). Отдаленную аналогию изображению льва на тарелке из «дома священника» удалось найти в коллекции Салоникийского музея Византийской культуры (Papanikola-Bakirtzi 1999: 73, № 73).

Еще два сосуда относятся к изделиям с подцветкой гравированного рисунка желто-коричневой и зеленой красками.

Один из них – это красноглиняная миска с вертикальным бортом и кольцевым поддоном, с внутренней стороны которого процарапан крест (рис. 10: 1; 11: 2). Высота – 10,0 см, диаметр – 24,0 см, диаметр поддона – 7,5 см. Борт средней высоты, прямой, венчик плавно отогнут наружу, с внешней стороны оформлен двумя тонкими рельефными параллельными линиями. С внутренней стороны – украшен двумя врезными линиями, между которыми помещены треугольники, раскрашенные поочередно темно-желтой и зеленой краской. Лицевую поверхность поля занимает изображение павлина, обращенного влево, обрамленное парой концентрических кругов, подцветенных зеленой полосой. Голова птицы на толстой шее, переходящей в короткое туловище с выступающей грудкой. Узкое крыло прижато к туловищу, лапы широко расставлены. Хвостовое оперение составлено из трех, поднятых вверх и оканчивающихся спиральными полосами. Над спиной павлина – лилия с сильно расширяющейся кверху чашечкой. Выше, ближе к голове птицы, цветок граната, сохранившийся частично. Изображение нанесено одинарной врезной линией и раскрашено зеленой и коричневой красками. С верхних перьев павлиньего хвоста переднее перо – зеленое, заднее – светло-коричневое, среднее – без под-

краски – светло-желтое. Нижнее оперение трактовано условно в виде орнаментальной плетенки, состоящей из двух полос – зеленой и коричневой со спиралевидными завитками в центре. Глаза птицы выполнены в виде кружка с точкою внутри, от которого продолжают линии до задней границы шеи.

Тарелки с почти идентичными гравированными изображениями павлинов и выполненных в такой же манере сиринов с контрастной подглазурной расцветкой рисунка зеленой и коричневой краской, принадлежат к самой многочисленной группе поливной керамики Херсонеса, датирующейся XIII в. (Якобсон 1979: 133-140, группа 6, рис. 85-88). Это дало повод считать ее местной продукцией, однако доказать это предположение, пока, так и не удалось. Многочисленность находок следует объяснить еще и тем, что мы имеем дело с синхронными комплексами – усадьбами, погибшими в одно и то же время, вероятно в период наиболее массового поступления на рынок таких сосудов. Кроме Херсонеса, аналогичные изображения павлинов на поливных сосудах известны из раскопок Алушты (Мыц 1991: рис. 39: 4) и Мангупа (Герцен, Науменко 2005: 263, 282, рис. 17: 7).

Если мы обратимся к деталям на тарелках с изображениями павлинов – различные розетки, стилизованный трехлепестковые лилии, цветки и бутоны лотоса, замкнутые плетенки, так называемый «соломонов узел», заполняющие свободное поле вокруг центральной фигуры птицы, то найдем сходные элементы (иногда выступающие и самостоятельно) в керамике Пергама, Лемноса, Фасоса (Böhlendorf-Arslan 2004: teil. I, 76, fig. 19: 2; teil. III, taf. 187: № 10,13; Spieser 1996: 24-25, 48).

Второй сосуд – это тарелка на кольцевом поддоне с невысоким профилированным бортом (рис. 10: 4; 11: 3).

Высота – 7,5 см, диаметр – 24,5 см, диаметр поддона – 8,0 см. По белому ангобу одинарной тонкой линией прочерчен рисунок, разукрашенный желто-коричневой и темно-зеленой красками. Полива светло-желтая. На лицевой поверхности поля тарелки, обрамленном парой концентрических кругов, помещены две рыбы, в окружении морских водорослей (большая из рыб гонится за маленькой). Чешуя их прорезана по-разному: у большой рыбы – перекрывающимися одна другую, полуовальными чешуйками, у маленькой – косой штриховкой с ромбическими ячейками. Тарелка ремонтировалась в древности.

Изображения рыб на поливных сосудах встречались неоднократно, хотя точные аналогии автору не известны. Наиболее близкие рисунки удалось отыскать на тарелках из Херсонеса и Старого Крыма (рис. 12) (Федоров-Давыдов 1976: 173 рис. 134).

В целом, исследователи неоднократно отмечали связь красноглиняной керамики с гравированным орнаментом и полихромной подцветкой, совпадающей с контуром рисунка, с кругом декоративного искусства Ближнего Востока. В Иране подобная полихромная посуда появляется в XI в., в Грузии, Армении, Азербайджане – с конца XII в. В XIII в. она становится популярной в Византии и Восточном Средиземноморье (см. напр.: Якобсон 1979: 140; Голофаст, Рыжов 2003: 208; Коваль 2010: 130). Своеобразный стиль декора, сформировавшийся здесь к XIII в., известен в литературе как «Port St. Simeon Ware style» («стиль керамики порта св. Симеона») (Avissar, Stern 2005: 52-53).

Из других находок комплекса следует отметить керамическое грузило, два пряслица, бронзовый перстень и обломок стеклянного браслета из помещения «М» (рис. 2: 2-5).

Нумизматические материалы представлены семью монетами.

№	Инв. номер	Место выпуска	Тип, датировка	Место находки	Примечания
1.	21	Византийский Херсонес Роман IV Диоген	Ор. IX, 34-35, Анохин, 456-457. 1067-1071 гг.	Угол амфилемы I слой XII-XIII вв., ниже горелого слоя.	
2.	22	Византийский Херсонес Роман IV Диоген	Ор. IX, 34-35, Анохин, 456-457. 1067-1071 гг.	Угол амфилемы I слой XII-XIII вв., ниже горелого слоя.	
3.	23	Рим	IV-V вв.	Западный участок. Контрольная площадка у северной стены дома 1954 г., снаружи. Нижний слой.	
4.	24	Византийский Херсонес Роман IV Диоген	Ор. IX, 34-35, Анохин, 456-457. 1067-1071 гг.	Западный участок. Помещение «М». Завал выше слоя горелого слоя XII-XIII вв.	
5.	27	Византийский Херсонес Лев VI, Александр	Ор. IX, 25-26, Анохин, 386-388. 886-912 гг.	Помещение «М» на полу, под горелым слоем.	
6.	25	Византийский Херсонес Роман IV Диоген	Ор. IX, 34-35, Анохин, 456-457. 1067-1071 гг.	Помещение «С» XII-XIII вв.	
7.	26	Византийский Херсонес Лев VII, Александр	Ор. IX, 25-26, Анохин, 386-388. 886-912 гг.	Помещение «С».	

Наиболее ранние средневековые монеты из заполнения дома относятся к концу IX – началу X вв., ко времени правления императоров Льва VI и Александра (№№ 5 и 7). Однако учитывая отсутствие других материалов этого времени, которые можно было бы связать с функционированием «дома священника», их следует признать переотложенными из более ранних слоев.

Еще четыре монеты были выпущены в начале правления императора Романа IV Диогена (1067-1071) (№ 1-2, 4, 6). Последующие выпуски Романа IV постепенно деградируют как по типу (исчезает крест на Голгофе на оборотных сторонах), так и по весу. Эти эмиссии Романа IV, последние в истории монетного дела византийского Херсонеса, могли обращаться вплоть до гибели города. При Михаиле VII (1071-1078) Херсонес был лишен ряда привилегий, в том числе и права выпускать свою монету. Город продолжил выпуск монет Романа IV, последнего законного типа. Они отливались в большом количестве, при этом в качестве штампов для форм использовались монеты предшествующих отливок. Эти полулегальные выпуски с монограммой имени Романа IV преобладают в денежном обращении Херсонеса XII–XIII вв. (Анохин 1977: 128-131).

Подводя итог публикации, следует отметить, что деятельность обитателей дома хоть и была, скорее всего, связана с отправлением христианского религиозного культа, но не ограничивалась только этим. Его жители занимались также разнообразной хозяйственной деятельностью, связанной с морским промыслом (свинцовые грузила от сети), выпечкой хлеба (жернова), прядением (пряслица), а также, возможно, некоторыми плотницкими работами (сверло, зубатка, боль-

шое количество гвоздей). В их рационе значительное место занимала рыба (заготовки в пифосе, остатки трапезы на блюде) и птичьи яйца, а среди парадной столовой керамики преобладали богато декорированные сосуды, преимущественно импортные, привезенные из метрополии.

Рассматривая жилые дома на участке вокруг «Храма с ковчегом», можно проследить следующие общие для них планировочные особенности. Дома представляют собой прямоугольный объем, вытянутый с северо-запада на юго-восток, они состоят из двух помещений, одноэтажного северного, имевшего хозяйственное назначение и двухэтажного южного, в нижнем этаже которого размещалась кладовая. К каждому зданию примыкал небольшой огороженный дворик. Аналогичную планировочную структуру имел и дом, раскопанный на этом же участке в 1970 г. М.И. Золотаревым.

Анализ археологического материала позволяет определить период существования комплекса в рамках XII–XIII вв. По мнению О.И. Домбровского «дом священника» был сооружен в начале XIII в. одновременно с перестройкой «Храма с ковчегом» и изменениями в планировке всего участка (Домбровский, Паршина 1960: 40). В конце XIII в. он был разрушен в результате какого-то внезапного катастрофического события, сопровождавшегося пожаром, разделив участь херсонесских усадеб других районов. Согласно исследованиям конца XX – начала текущего столетия, эти разрушения произошли не позднее начала последней четверти XIII в. и могут быть связаны с первым походом Ногай 1278 г. (Алексеев 1996: 190; Мыц 1997: 66-67; Голофаст, Рыжов 2003: 224).

ЛИТЕРАТУРА

- Аладжов Ж. 1980. Символ на света в някои прабългарски паметници. *Археология (София)* I, 41-47.
- Алексеев Н.А. 1996. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии. *ХСб VII*, 187-191.
- Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Императорской киевской духовной академии*. 1915. Вып. IV-V. Киев.
- Анохин В.А. 1977. *Монетное дело Херсонеса*. Киев.
- Банк А.В., Попова О.С. 1977. *Искусство Византии в собраниях СССР*. Каталог выставки I-III. Москва.
- Банк А.В., Залеская В.Н. 1995. Кацея XIII века из Изяславля. В: *У истоков русской культуры XII–XVII веке*. Сборник статей. С-Петербург: Славия, 80-87.
- Герцен А.Г., Науменко В.С. 2005. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа. В: Бочаров С.Г., Мыц В.Л. (ред.). *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* Киев: ИД «Стилос», 257-287.
- Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. 2003. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса. *МАИЭТ X*, 182-260.
- Домбровский, Паршина. 1960. О средневековой застройке территории античного театра. В: Антонова И.А., Борисова В.В. (ред.). *Сообщения Херсонесского музея* I. Симферополь: Крымиздат, 36-41.
- Дончева-Петкова Л. 1991. За някон типове кръстове-енколпионие от Добруджа. *Добруджа* 8, 51-65.
- Дончева-Петкова Л. 2006. О дате двух типов средневековых крестов-энколпионов. В: *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной*. С-Петербург, 128-130.
- Залеская Н.М. 1988. Связи Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII вв. В: Афанасьев В.Л. (ред.). *Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв.* Ленинград: Искусство, 93-104.
- Залеская В., Яшаева Т., Рабинович А. (науч. ред.). 2011. *Наследие византийского Херсонеса*. Севастополь – Остин: ИКА Техас. ун-та.
- Зарецкий И.А. 1894. *Гончарный промысел Полтавской губернии*. Полтава: Типо-литография Л. Фришберга.
- Зеленко С.М. 2008. *Подводная археология Крыма*. Киев: ИД «Стилос».

- Зубарь В.М. 2009. *Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа*. Симферополь.
- Ивашута Л.П. 1975. Неполивная керамика поздне-византийского Херсона (по материалам раскопок портового квартала). *АДСВ II*, 15-21.
- Кадеев В.И. 1973. Раскопки в «центре участка». *АДСВ 9*, 13-27.
- Каргер М.К. *Отчет о раскопках Галицко-Волинской археологической экспедиции ЛО ИА АР СССР и ЛГУ в 1960 г.* Научный архив ИА НАНУ. 1960/49. 14 с. 19 таб.
- Каргер М.К. *Отчет о раскопках Галицко-Волинской арх. экспедиции Ленинградского отд. Инст. Арх. АН СССР и ЛГУ им. А.А. Жданова в 1961 г.* Научный архив ИА НАНУ. 1961/49. 10 с. 21 таб.
- Квинто Л. 1978. Средневековые тухли с клеймами от Църквата св. Димитър във Велико Търново. *Археология (2)*.
- Коваль В.Ю. 2010. *Керамика Востока на Руси IX-XVII века*. Москва: Наука.
- Кондаков Н.П. 1914. *Иконография Богоматери*. Т.1.: С-Петербург.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. 2003. *Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X-XIII вв.* С-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Кравченко А.А. 1986. *Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII-XIV вв.)*. Киев: Наукова думка.
- Миролубов М.М. (сост.). 1983. *Древнерусский город Изяслав*. Каталог выставки. Ленинград: ГЭ.
- Мыц В.Л. 1997. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. В: *Византия и Крым: междунар. конф. (Севастополь, 1997): тезисы докл.* Севастополь, 65-67.
- Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.). В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Феодальная Таврика*. Киев: Наукова думка, 56-94.
- Паршина Е.А. 1988. Эски-Керменская базилика. В: Бибиков С.Н. (отв. ред.). *Архитектурно-археологические исследования в Крыму*. Киев: Наукова Думка, 36-59.
- Пескова А.А., Строкова А.В. 2012. *Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б.Н. и В.И. Ханенко*. С-Петербург; Киев: Петербургское Востоковедение.
- Покровский Н.В. 1892. *Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских*. С-Петербург: тип-я Департамента Уделов.
- Полякова Г.Ф., Фехнер М.В. 1973. Игра в мельницу в Древней Руси: *Slovenska Archeologia* 21 (2), 441-444.
- Пущко В.Г. 1999. Бронзовый киотный крест из Херсонеса (Византийско-киевская металлопластика начала XIII в.). *ВВ 58*, 165-171.
- Романчук А.Л. 1973. Новые материалы о времени строительства в Херсонесе. *АДСВ 9*, 45-53.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995. *Амфоры из комплексов Византийского Херсона*. Екатеринбург: Типолаборатория УрГУ.
- Сидоренко В.А. 1988. Метки-аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсонеса. *АДСВ 24*, 93-101.
- Симонова Т.И. 1980. Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. *АДСВ 17*, 104-120.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1976. *Искусство кочевников и Золотой Орды*. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. Москва: Искусство.
- Ханенко Б.Н. и В.И. 1907. *Древности Приднепровья и побережья Черного моря*. Вып. VI. Киев.
- Чичуров И.С. (отв. ред.) 1991. *Византийский Херсон*. Каталог выставки. Москва: Наука.
- Шевченко А.В. 2008. Культурная символика в античном Херсонесе. В: Алексеенко Н.А. (сост.). *Символ в религии и философии*. Севастополь: Изд-во ЧП Арэфьев, 114-120.
- Щербак А.М. 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи. *МИА 75*.
- Якобсон А.Л. 1950. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.). *МИА 17*.
- Якобсон А.Л. 1959. К изучению поздне-средневекового Херсонеса. *ХСб V*, 229-243.
- Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.
- Avissar M., Shtern E.J. 2005. *Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel*. Jerusalem: The Israel Antiquities Authority.
- Böhlendorf-Arslan B. 2004. *Glasierte byzantinische keramik aus dem Türkei, teil III*. Istanbul.
- Günsenin N. 1989. Recherches sur les Amphores Byzantines dans les Musées Turcs. *BCH XVIII*, 267-276.
- Megaw A.H.S. 1968. Zeuxippus Ware. *ABSA 63*, 68-88.
- Megaw A.H.S. 1989. Zeuxippus Ware Again. In: Deroche V. and Spieser J.-M. (ed.). *Recherches sur la ceramique byzantine*, ed. Athens, 259-266.
- Papanikola-Bakirtzi D. (ed.) 1999. *Byzantine glazed ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens: Archaeological receipts Fund.
- Pitarakis B. 2006. Les croix-reliquaires byzantines en bronze: Paris, (Bibliothèque des cahiers archéologiques 16).
- Spieser J.-M. 1996. *Die byzanti-nische Keramik aus der stadtgrabung von Pergamon*. Berlin: de Gruyter.
- Waksman S.Y., François V. 2004-2005. Vers une redefinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware. *BCH 128-129*, 629-724.
- Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S. 2009. Glazed wares as main cargoes and personal belongings in the Novy Swet shipwreck (13th c. AD, Crimea): a diversity of origins investigated by chemical analysis. In: *Actas del VIII Congreso Internsional de Cerámica Medieval en el Mediterráneo II*. Ciudad Real, 851-856.

О.О. Паршина

«БУДИНОК СВЯЩЕННИКА» НА ДІЛЯНЦІ АНТИЧНОГО ТЕАТРУ В ХЕРСОНЕСІ

Стаття присвячена публікації результатів розкопок 1954-55 і 1964 рр. так званого «будинку священика», що розташовувався на ділянці античного театру Херсонеса, на північний захід від «Храму з ковчегом». Залишки будинку були повністю вилучені при реконструкції античного театру, а знахідки з його заповнення, серед яких предмети культу, різноманітна кераміка, деталі рибальського приладдя, пряслиця, монети, поповнили колекції Херсонеського музею. Згодом найбільш виразні предмети з'являлися в окремих публікаціях, але ще ніколи не були представлені як єдиний археологічний комплекс.

Проведені дослідження дозволили дійти висновку, що в розкопаному будинку, швидше за все, мешкала сім'я, що вела різноманітну господарську діяльність. Один із членів родини міг бути священиком та, можливо, служив в «Храмі з ковчегом». Крім того, вдалося встановити, що житлова забудова дослідженої ділянки мала спільні особливості в плануванні.

Хронологічна позиція більшості знахідок вказує на те, що будинок існував в XII–XIII століттях, а в останній чверті XIII століття був зруйнований в результаті пожежі, розділивши долю херсонеських садіб інших районів.

Ключові слова: Херсонес, античний театр, «Храм з ковчегом», забудова XII–XIII ст., церковне начиння, кераміка.

Е.А. Parshyna

VICARAGE ON AREA OF ANCIENT THEATER IN CHERSONESES

The article is dedicated to publication of results of excavations 1954-55 and 1964 the so-called «vicarage», disposed on the area of ancient theater of Chersoneses to south-west from «Temple with an Ark». The remains of the building were fully remote during the reconstruction of ancient theater, and finds from filling of the house, among which the articles of cult, various ceramics, details of fishing cordages, whorls, coins, filled up collections of the Khersoness museum. In course of time the most expressive objects appeared in separate publications, but yet never were presented as a single archaeological complex.

The research allowed to conclude the following: in the excavated house probably lived a family, whose members conducted various economic activities and one member of which could be a priest, who probably may served in the "Temple of the ark". In addition, it was found out dwelling buildings of complex had general planning features.

Chronologic position most of finds indicate that a house existed in the 12th–13th centuries and in the last quarter of the 13th centuries was destroyed in a fire, dividing the fate of households of other districts of Chersoneses.

Keywords: Chersoneses, ancient theater, «Temple with an Ark», construction of the 12th–13th centuries, church utensil, ceramic.

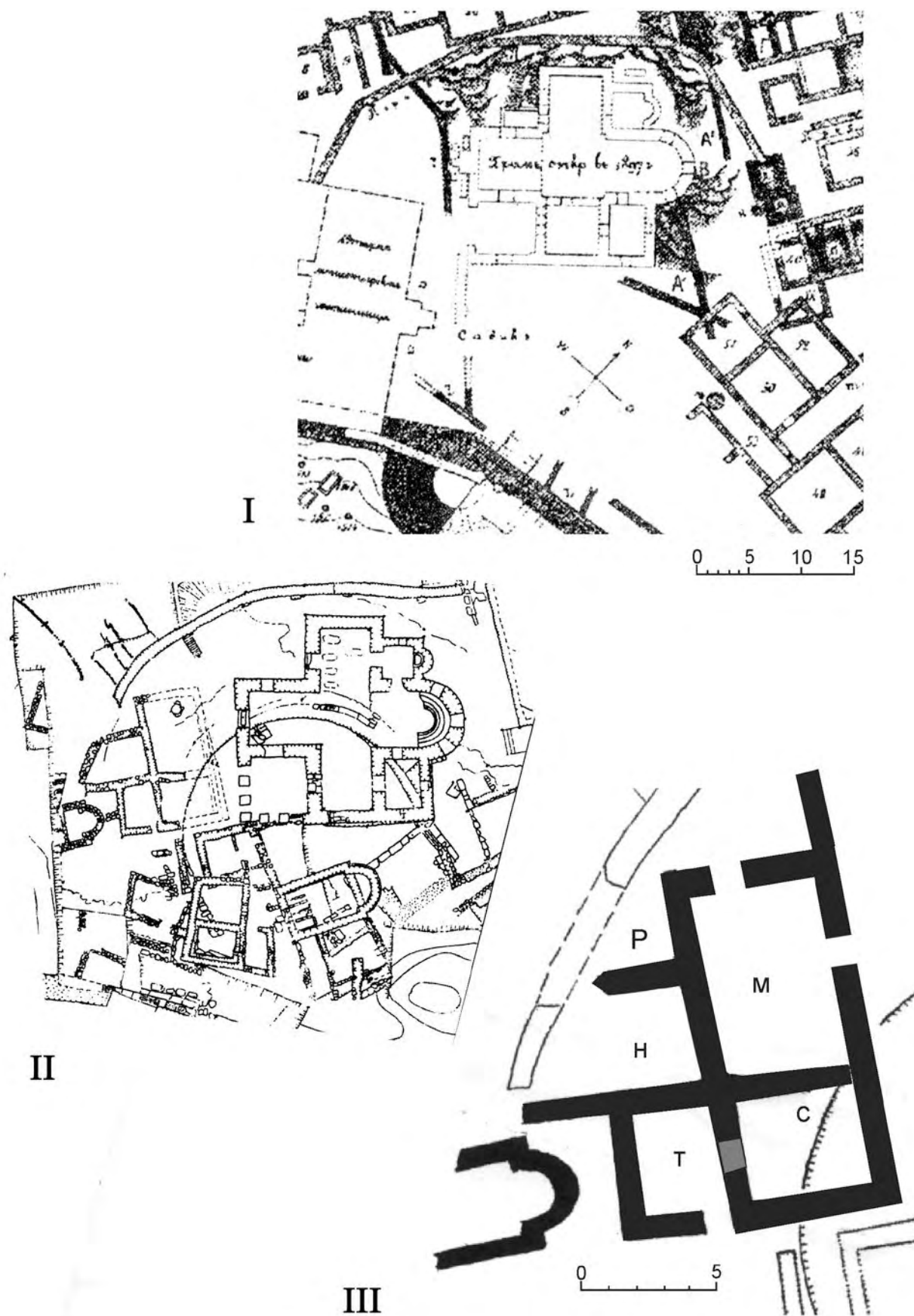

Рис. 1. I – Фрагмент плана раскопок К.К. Косцюшко-Валожинича на Херсонесском акрополе в 1903 г. Архив НЗХТ, д. 103268 (издан в ИАК 1905 г., вып. 16, т. 2).

II – Фрагмент плана раскопок на участке античного театра в 1972-1973 гг. Архив НЗХТ.

III – План дома священника.

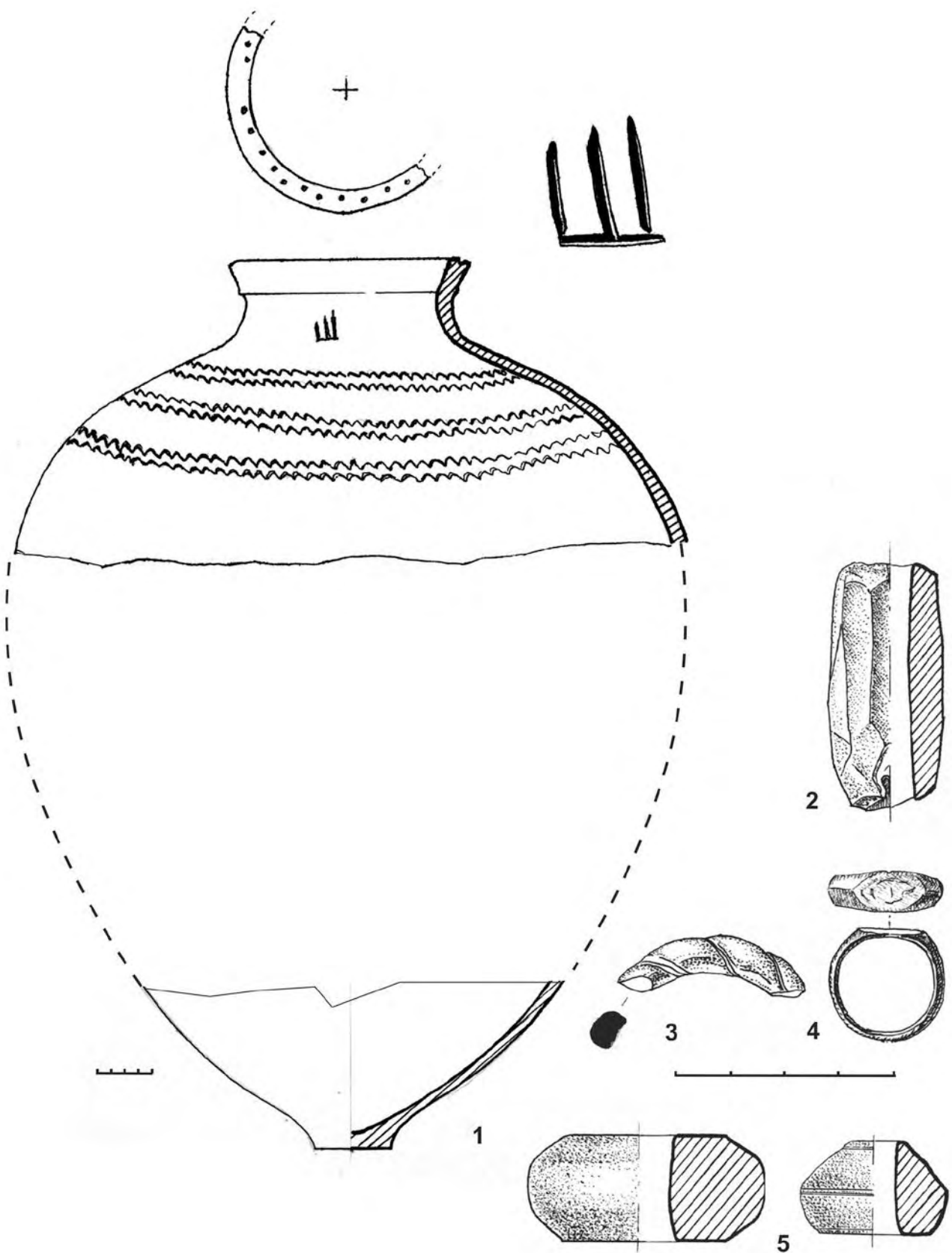

Рис. 2. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». 1 – пифос из помещения «С». 2-5 – глиняное грузило, фрагмент стеклянного браслета, бронзовый перстень, пряслица из помещения «М».

Рис. 3. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». Энколпион (1), фрагмент хороса (2), кацея (3).

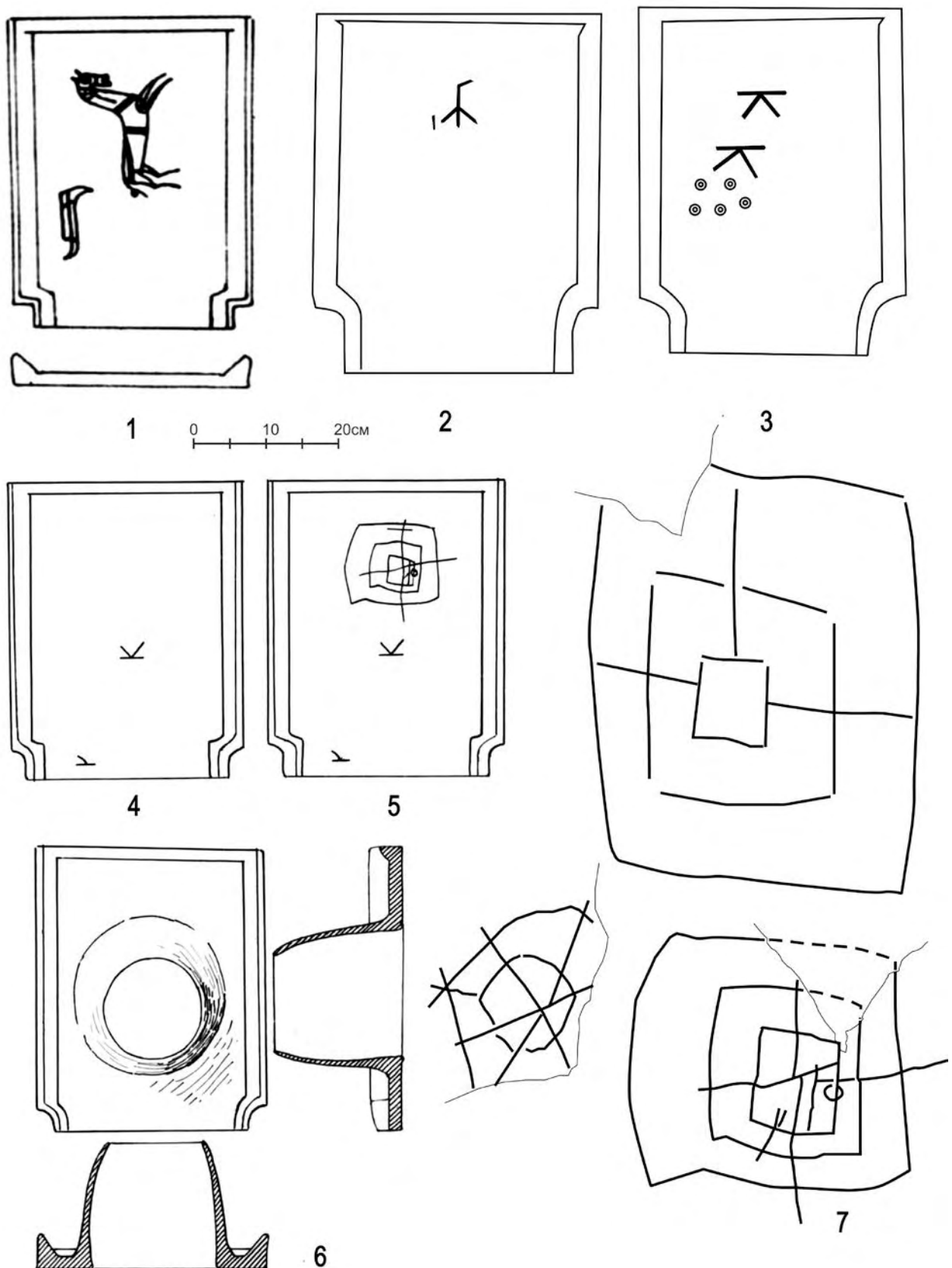

Рис. 4. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». Черепица группы I.

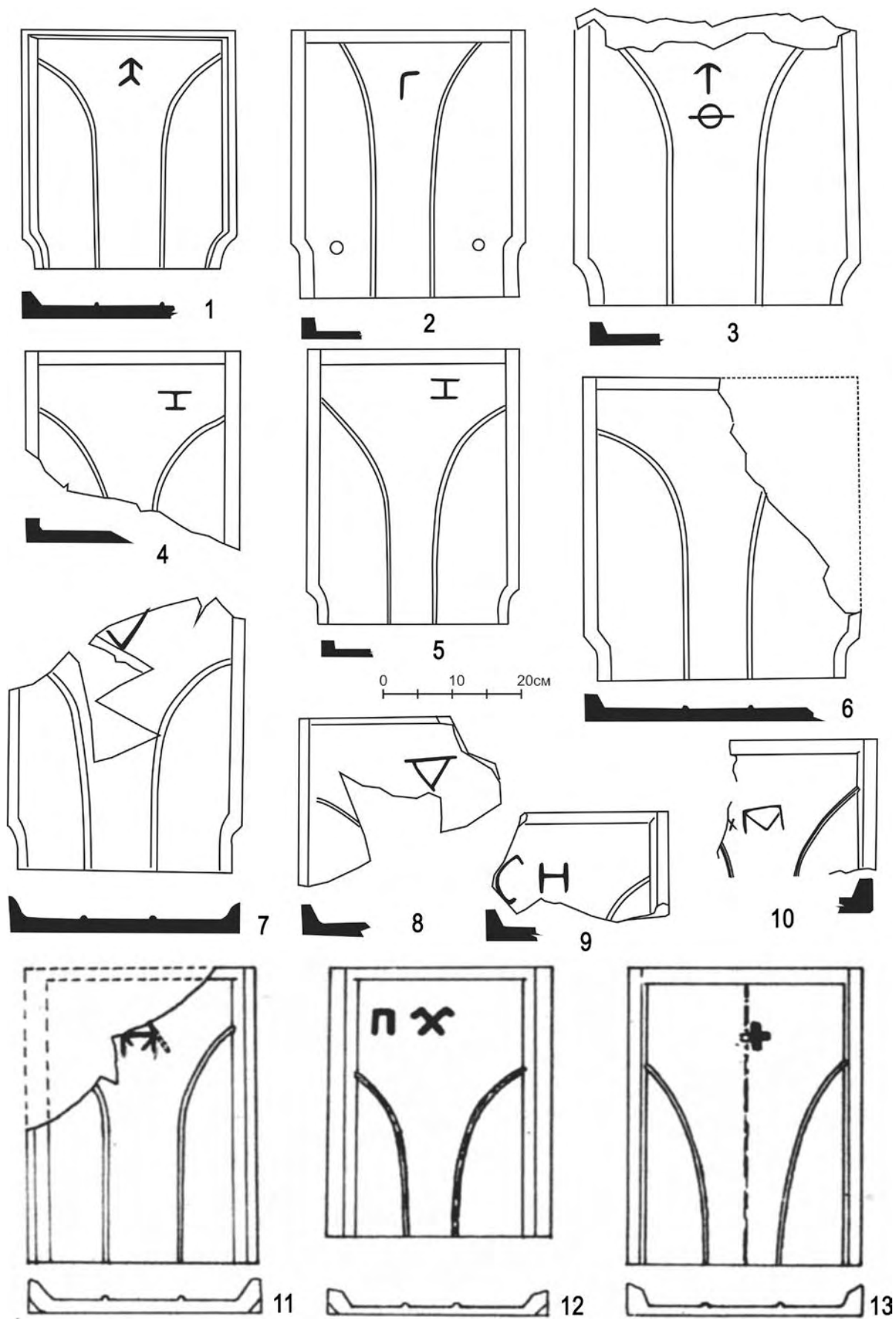

Рис. 5. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». Черепица группы II.

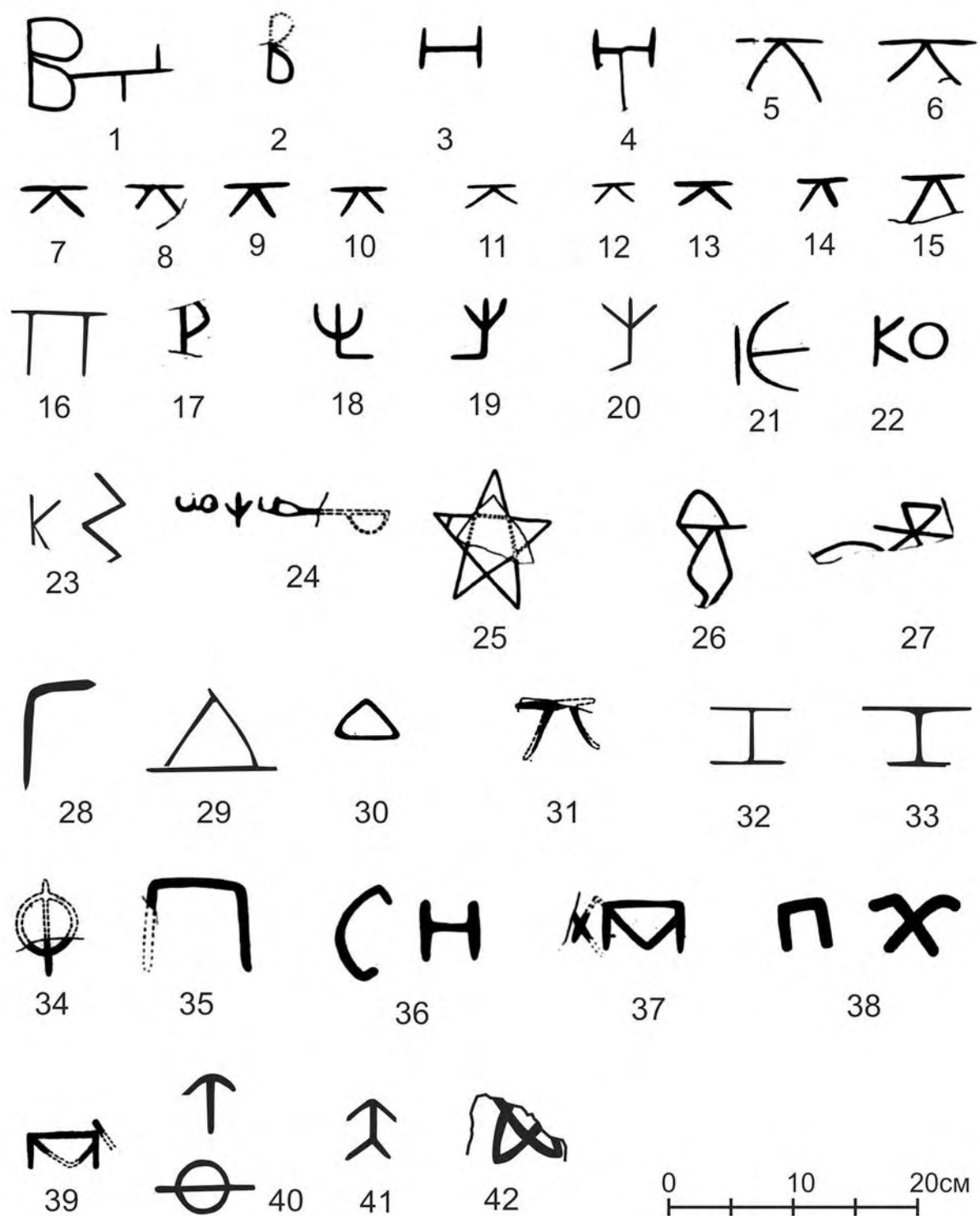

Рис. 6. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». Метки на черепице группы I (1-27) и группы II (28-42).

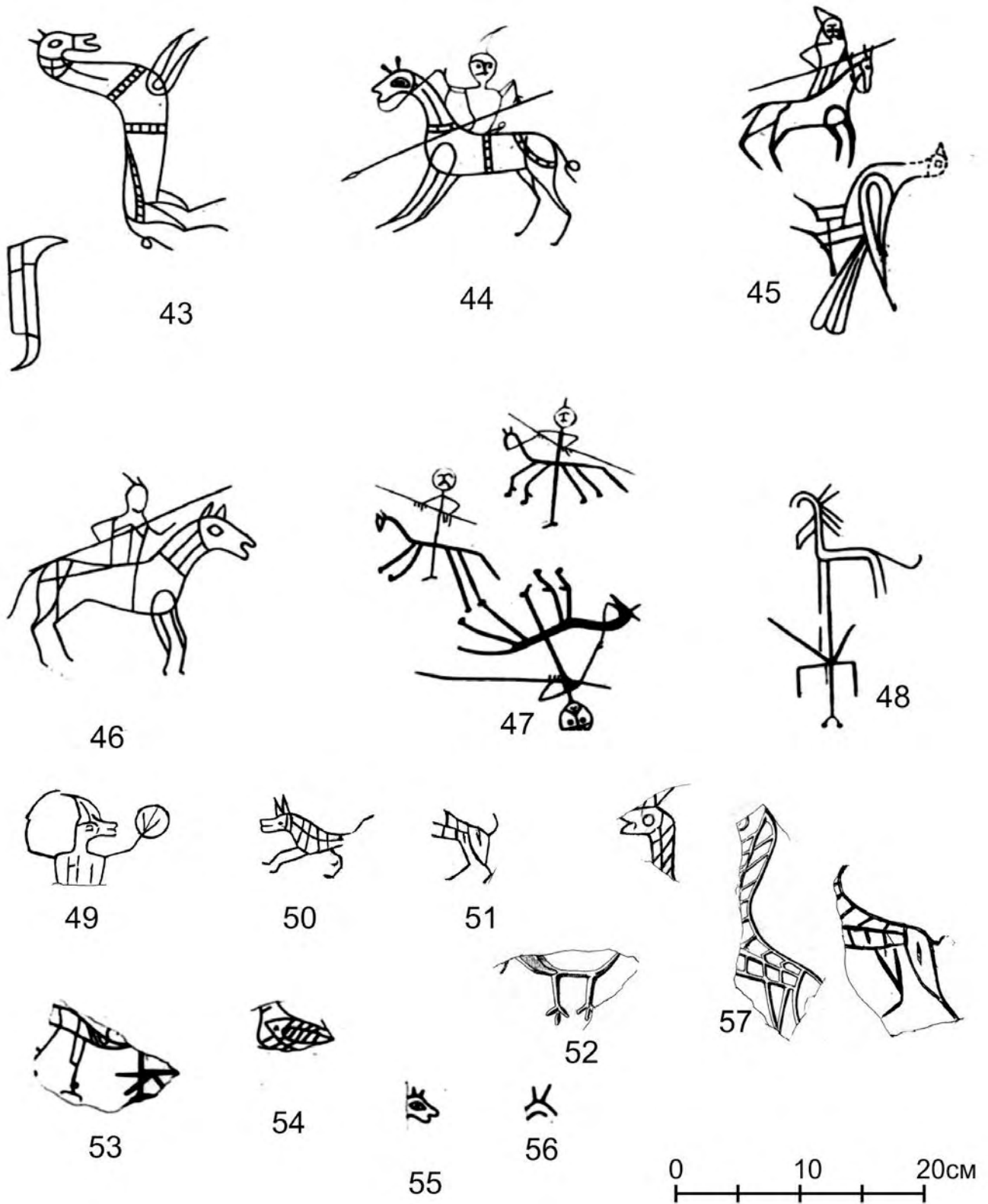

Рис. 7. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». Метки на черепице группы I.

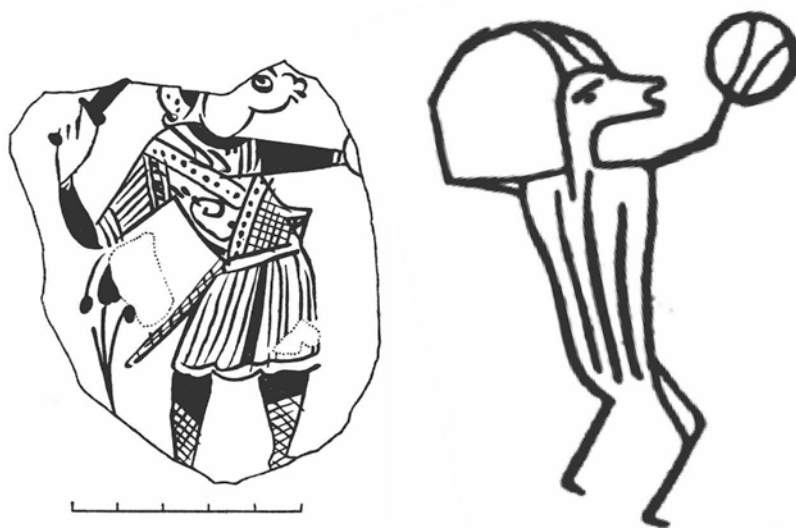

Рис. 8. Изображения поглавцев: 1 – на поливной тарелке из раскопок Херсонеса, по А.Л. Якобсону (1979: рис. 79: 4); 2 – на черепахе из раскопок «Дома священника».

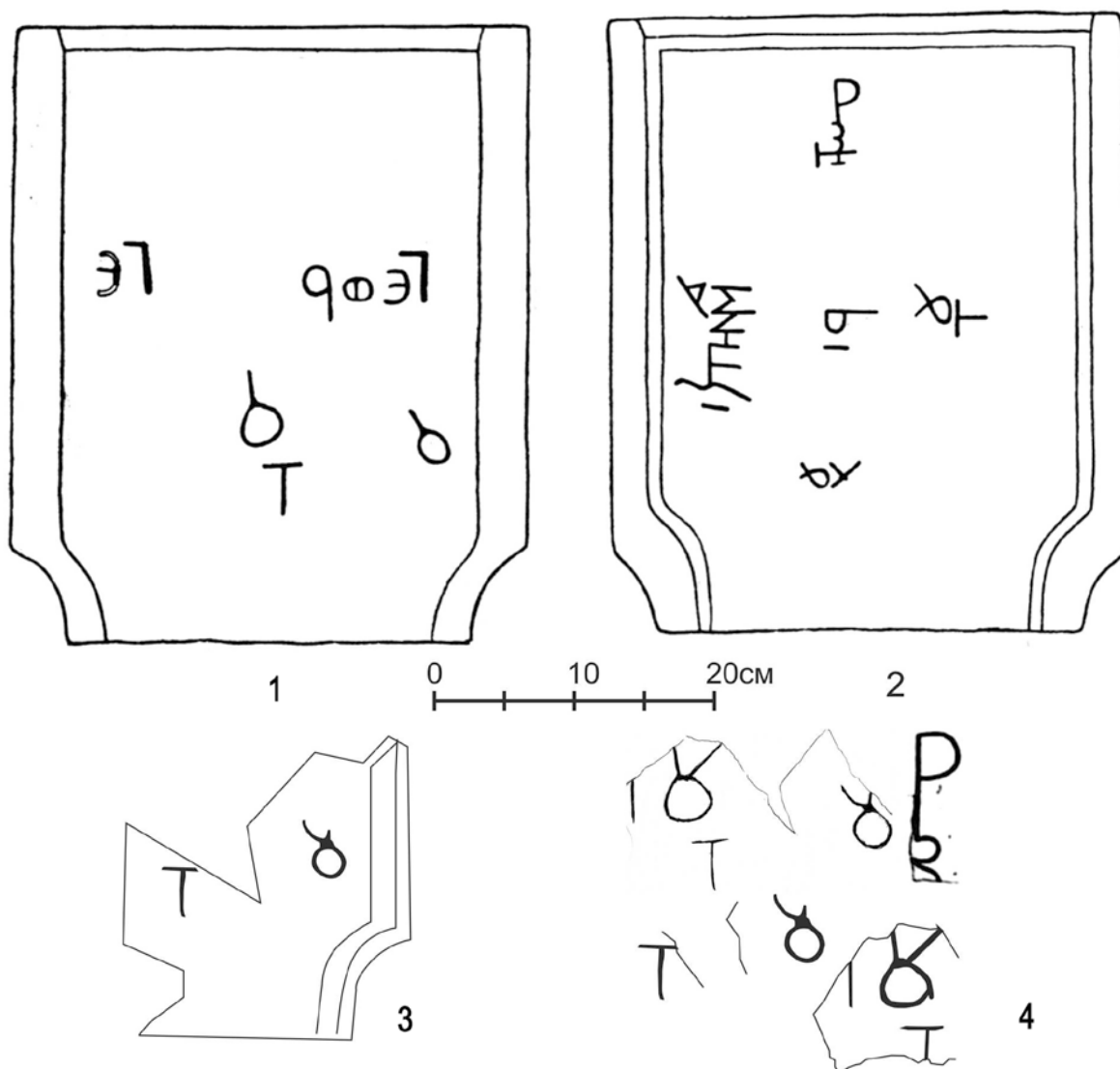

Рис. 9. Керамиды со сложными метками: 1, 2 – из раскопок жилой застройки Херсонеса, по А.Л. Якобсону (1979: №№ 249, 250); 3, 4 – из кровли «Дома священника».

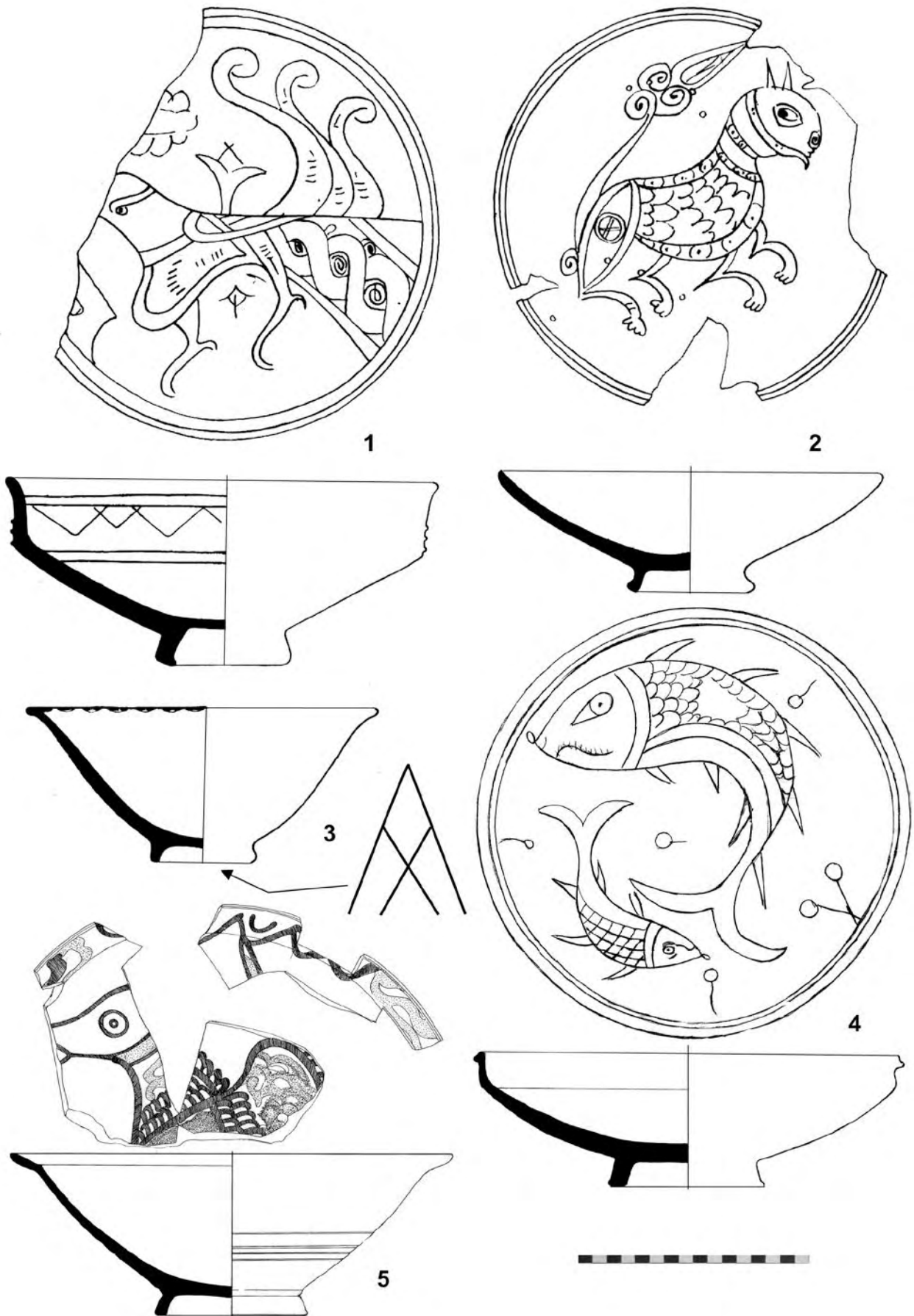

Рис. 10. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». Поливная керамика из помещения «С» (1-4) и «М» (5).

Рис. 11. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». Поливная керамика из помещения «С».

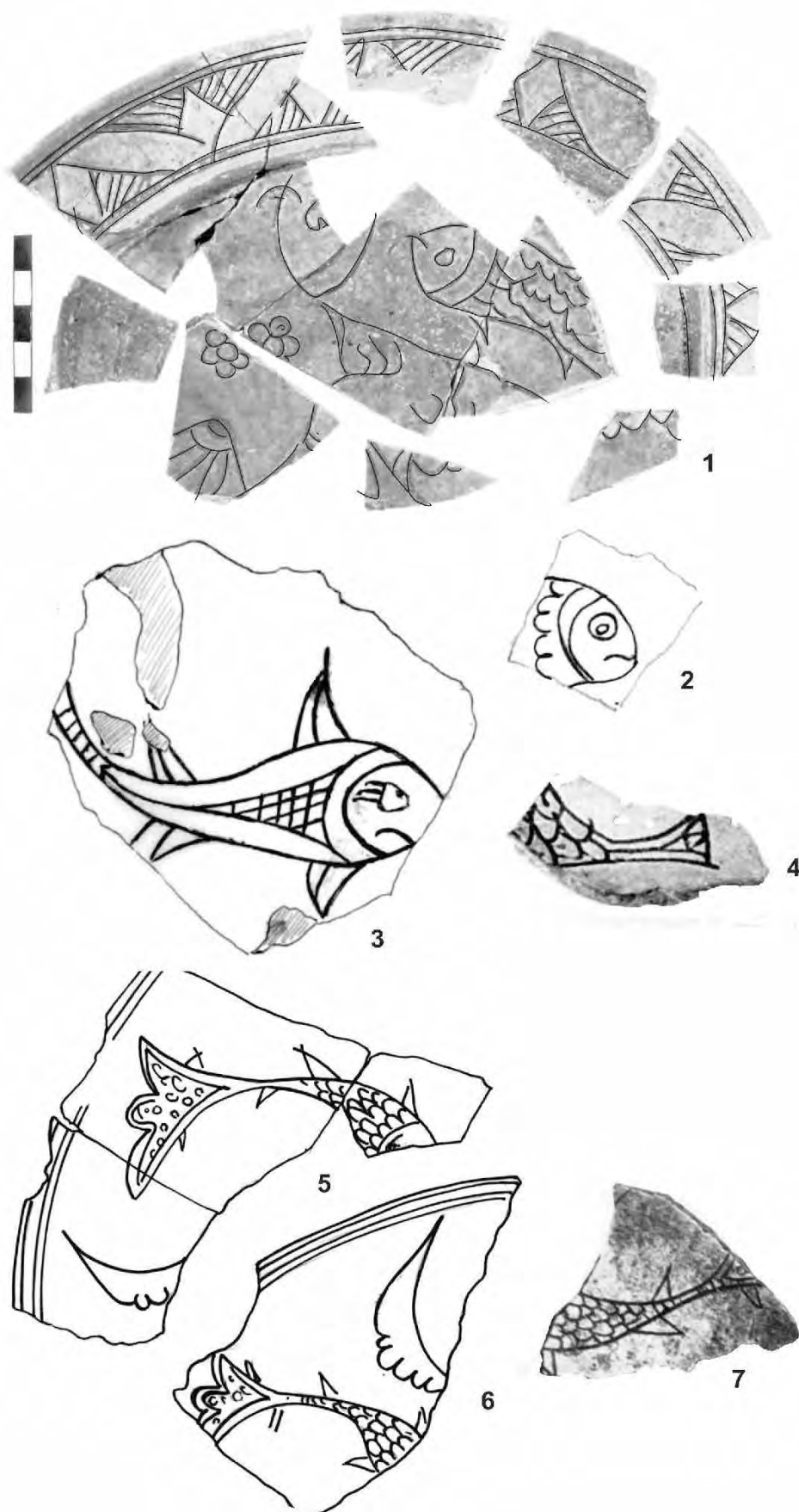

Рис. 12. Изображение рыб на поливной керамике: 1-2 – Херсонес (1 – раскопки И.А. Антоновой, цитадель); 3 – Старый Крым, 4-7 – Селитренное городище (Сарай-Бату) (Федоров-Давыдов 1976: 173, рис. 134).

Цветная иллюстрация к статье Е.А. Паршиной
 «ДОМ СВЯЩЕННИКА» НА УЧАСТКЕ АНТИЧНОГО ТЕАТРА В ХЕРСОНЕСЕ

С. 37. Рис. 11. Херсонес, район античного театра, «Дом священника». Поливная керамика из помещения «С».